

Лия Ахеджакова: Машина - это роскошь... И свобода

Лия Ахеджакова, наверное, - одна из немногих наших актрис, о личной жизни которых ни среди зрителей, ни среди ее коллег по театральному ремеслу не ходят слухи (заметим, что в большинстве случаев «схождение» слухов бывает спровоцировано самими «звездами»). Лие Ахеджаковой это не нужно. Потому что и авторитет ее, и слава - безусловны.

- Как, по-вашему, актерское братство существует?

- Безусловно. Я лично могу не дружить со своей партнершей, но если кто-то спросит меня об интимной жизни этой самой партнерши, я оскорблюсь. Честь мундира - понятие принципиальное.

- А дружба в театре?

- Дружба - вещь тонкая. Можно всю жизнь вдвоем играть на сцене, играть хорошо, в едином порыве, а в жизни относиться друг к другу, мягко говоря, с прохладцей. Естественно, врагов в театре не бывает. Но и нежная дружба - явление не такое уж частое.

- Вы играете в пяти «современниковских» спектаклях. По московским меркам, это очень много. Устаете?

- Безумно.

- Часто гастрوليруете?

- Да, и моя программа дорога мне также, как и спектакли «Современника» - потому что сделана она честно, без халтуры. Провинциальные гастролы - это вечная доля русского артиста.

Помните, в «Стене» администратор Феликс Пузин летит на самолете и разбрасывает листовки: «Все на концерты Маргариты Мостовой!». А в ледяном автобусе едут артисты - "на площадку", "в район". Так я и в жизни остаюсь Маргаритой Мостовой - у меня все время болит горлышко.

- Вы открытый человек?

- Наверное, нет. Я отношусь к тем людям, которые все, что для них мучительно, трудно и свято, предпочитают хранить в себе, а не предавать огласке. Я не способна на такое вот «обнажение» перед читательской аудиторией. Другие, напротив, стремятся выложить все до конца - видимо, таким образом происходит «очищение».

- Скажите, а что за история вышла у вас с «Московским комсомольцем»?

- Вообще-то я не очень люблю о таких вещах рассказывать. Но раз спрашиваете... Меня пригласили на презентацию «Пентхауса», и я пошла, поскольку о существовании порнографического журнала «Пентхаус» даже

и не подозревала. Шла в полной уверенности, что иду в ПЕН-клуб общаться с писателями и поэтами. Придя туда, первым делом начала искать глазами Искандера и Петрушевскую - и не обнаружила. Тут мне вручают этот журнал, и все выясняется. Но разве это что-то меняет? Мы очень мило побеседовали со Славой Зайцевым - я его просто обожаю. И все бы хорошо, но весь вечер за мной охотилась какая-то девочка из «Московского комсомольца». И задавала всякие непристойные, на мой взгляд, вопросы. Мне кажется, разница в возрасте и положении должна все-таки к чему-то обязывать.

...На следующий день я открывала «Московский комсомолец» и вижу фотографию: Ахеджакова с бутылкой коньяка. И подпись: «Халаяшки и эротоманы». Самое неприятное в этом, что газета попала в руки моему папе, и он в ужасе позвонил мне: «Лия, ты что, ушла, не расплатившись?»

- А вы часто появляетесь на подобного рода «хэппенингах»?

- У меня нет этого комплекса: сюда стыдно, туда стыдно, не дай Бог, кто увидит. Я человек не амбициозный. Придя туда, первым делом начала искать глазами Искандера и Петрушевскую - и не обнаружила. Тут мне вручают этот журнал, и все выясняется. Но разве это что-то меняет? Мы очень мило побеседовали со Славой Зайцевым - я его просто обожаю. И все бы хорошо, но весь вечер за мной охотилась какая-то девочка из «Московского комсомольца». И задавала всякие непристойные, на мой взгляд, вопросы. Мне кажется, разница в возрасте и положении должна все-таки к чему-то обязывать.

- А приглашают?

- Нет, все больше приличные люди, с которыми приятно общаться. И знаете, что я заметила: тот, кто дает, почти никогда не разоряется.

- Машина для вас - средство передвижения?

- Ну что вы. Машина - единственная в моей жизни настоящая роскошь. Моя машина - это моя свобода. В двенадцать часов ночи меня еще нет дома, а в двадцать минут первого я уже разговариваю, положим, с вами по телефону. Разве это не замечательно?

Беседовал Эдуард ДОРОЖКИН